

Челябинск в детской художественной литературе

В челябинской детской литературе не так часто писалось и пишется о Челябинске. И все-таки есть немало строчек о нашем городе и в книгах челябинских писателей и тех, кто какое-то время бывал или жил в Челябинске. О Челябинске можно прочитать в произведениях московских писателей: В.Бианки, Ю.Мориц, Н.Кончаловской, В.Сиснева, М.Чудаковой... Книги помогают читателям узнать историю Челябинска, начиная с дореволюционных времен, понять характер его людей, жизнь детей нескольких поколений. Перечитывая книги, связанные с Челябинском, понимаешь, что больше всего и ярче всего написаны строчки о самых сложных годах в жизни города: о предреволюционных, революционных годах, времени Великой отечественной войны. Мирное время Челябинска почти не нашло отражения в детской литературе. Для рассказа о детской литературе и ее связях с Челябинском взята только детская проза.

Дореволюционный Челябинск.

Прежде всего, надо назвать имя **Юрия Николаевича Либединского** (1898-1959). В его книге **«Воспитание души»** можно прочитать, каким был наш город до революции и в революцию, чем жили люди, как росли и учились дети. Это воспоминания известного московского писателя, которого называли «зачинателем советской литературы» за его первую книгу «Неделя».

Детство и юность Либединского прошли в Челябинске. Он был не просто очевидцем всего, что тогда происходило, но и участником событий.

Объективно и подробно он пишет об улицах города, Народном доме, реальном училище, быте того времени. В его книге картина Челябинска времени первой мировой войны, нарастания революционного движения, образы тех, чьими именами позже назовут улицы в Челябинске: Цвиллинга, Васенко, Елькиных.

«Воспитание души» была издана в Москве («Детская литература», 1962 и 1964 гг.), а позже и в Челябинске. Об этой книге есть подробный рассказ в сборнике «Гороховские чтения» (Вып. 4, 2013). Его знаменитая в свое время

«Неделя» (Челябинск в годы гражданской войны) вошла в чтение детей всей страны, переводилась на иностранные языки, изучалась в школах, много раз переиздавалась. К сожалению, в 1937 году она на 20 лет исчезала с полок библиотек. Теперь есть ее переиздания.

В конце 30 годов в Челябинске была очень популярной книга **Бориса Семеновича Ицына** (1905-1968) **«Подростки»**. Вышла в Челябинске в 1937 году. Автор - не коренной челябинец, детство и юность прошли на Дальнем Востоке. В Челябинске он с начала 30-х годов. С 1937 года был редактором детской литературы в молодом челябинском книжном издательстве. В 1939 был назначен уполномоченным Союза советских писателей по Челябинской области, был руководителем Челябинской писательской организации. С 1940 - литературный секретарь, потом ответственный секретарь газеты Южно-Уральской железной дороги «Призыв». Жил в доме, где был центральный гастроном на площади Революции. В 1943 году арестован по ст. 58-10. Строил ЧМЗ. Ему повезло, товарищам удалось добиться сокращения срока заключения. Через три года его освободили, но жить в Челябинске не разрешили, работал на Севере. К нам уже не вернулся. При аресте изъяли все рукописи, «Подростки» были запрещены, изъяты из библиотек. Книга переиздана в Челябинске в 1967 году.

Эта повесть рассказывает об участии челябинских мальчишек и девчонок в первой русской революции 1905 года. Живые характеры ребят. Яркое описание жизни Челябинска того времени. Улицы, поселки Колупаевка, Порт-Артур, станция Челябинск и железнодорожное депо, связанное с сюжетом. Вокзал был тогда далеко от города. До него

добирались на дилижансе. Много открытается в истории Челябинска. Книгу заметили в Москве. О ней была статья в журнале «Детская литература» (1938). В 1939 повесть была переиздана. Книгу полюбили ребята, просили автора написать продолжение. Борис Семенович начал писать книгу «Совершеннолетние» о тех же ребятах но уже в гражданскую войну. Отрывки из книги уже печатались в челябинской периодике. Но книга так и не была издана.

Несколько отрывков из книги «Подростки» с пояснениями.

Мальчишки из поселка Порт- Артур (сейчас часть Ленинского района ближняя к вокзалу) должны были расклеить листовки на Уфимской улице. Сделали вид, что идут на рыбалку. «Рыболовы направились в город. Они хотели попытать счастья на Миассе, у моста. Там чебак неплохо клевал. Они спешили – к полночи надо было возвращаться. После двенадцати по улицам разрешалось ходить только в одиночку или вдвоем. Любой городской имел право обыскать и даже задержать человека, если он ему покажется подозрительным. На Миассе они порыбачили, пока не стемнело, и тогда тронулись в обратный путь... Так двигались, останавливаясь через каждые 40-50 шагов и расклеивая листовки на заборах, афишных тумбах, витринах магазинов и дверях лавочек.

Свой участок, базарную площадь и Уфимскую улицу до тюрьмы Степан прекрасно изучил. В течение недели вечерами, принарядившись, разгуливал он по Уфимской. Каждый выступ знал у домов, все дворы осмотрел, даже узнал, где собаки есть, а где их нет... Встречавшиеся казачьи разъезды не обращали внимания на припоздавших рыбаков-мальчишек...

Расклеивали листовки с таким расчетом, чтобы до утра они оставались в тени и не могли быть замеченными патрулями, ездившими по дороге. Шагали быстро. Когда были около тюрьмы, в корзине не осталось ни одной листовки.

...Вера проснулась рано и вышла на улицу. Девочку поразило необычайное оживление. По Уфимской то там, то тут стоял кучками народ. Читали листовки. Растерянные городские разгоняли собравшихся и сдирали крепко приставшую бумагу.

Казачьи верхами то и дело наезжали на тротуар. При их приближении народ быстро расходился, но сейчас же скапливался у другой прокламации...»

Стоит напомнить, что Уфимская улица – теперь Кировка. Она была главной в Челябинске в начале прошлого века. Базарная площадь - теперь сквер перед оперным театром, а тюрьма была на пересечении Уфимской и сегодняшнего проспекта Ленина, на том месте, где стоит здание Законодательного собрания.

«Ходить стенкой на стенку исстари было любимым развлечением не только в деревнях, но и в городах. По первому льду сходились на Миассе городские и зареченские. Городские приглашали к себе прославленных бойцов из Никольского поселка и Колупаевки».

Описание, как делали каток на реке Миасс. «Наконец наступил долгожданный день открытия катка. Собственно, никакого открытия не было. В одну из суббот, когда лед на Миассе достаточно окреп, к реке подъехало двое дровней, запряженных сытыми, стоялыми лошадьми. Рослые, усатые пожарные расчистили на гладком льду большое поле. Затем они вкопали в снег кругом этого поля десятка три небольших обрубков, облили водой и заморозили, чтобы крепче стояли, прибили к ним широкие гладко обструганные доски, и скамейки для отдыха были готовы. Позади скамеек шел высокий снежный вал, огораживающий каток, вход на который был свободным для всех желающих. Это традиционное и единственное развлечение для жителей уездного Челябинска ежегодно устраивала городская управа...».

Сейчас книгу «Подростки» можно найти в интернете.

30-е годы прошлого века.

Виталий Валентинович Бианки (1894-1959). Московский детский писатель, известный своими книгами о природе. В 1932 и 1934 годах приезжал в Челябинск, написал несколько рассказов. Их печатали в челябинской детской газете «Ленинские искры». В 1935 году было создано в Челябинске книжное издательство. Книга Бианки «**В гостях у челябинцев**» вышла в нашем издательстве в 1936 году. В нее вошли пять его рассказов. Эти рассказы есть в четырехтомном собрании сочинений Виталия Бианки.

В рассказе «Под землей» Бианки пишет, как впервые спускался в шахту: «Кругом степь, как всюду под Челябинском, - вперемежку с колками: березовыми рошицами... В рассказе «Над землей» он говорит о первом в его жизни полете. «Это был маленький двухместный открытый биплан со стосильным мотором». Под крылом самолета: «...Вот река, спичечка-мост через нее. А вот уйма деревянных домишек в середине и большие железобетонные новые постройки на окраинах: громадный тракторный завод. Мы летели над Челябинском – городом заводов...». «Смотрю, - а мы уже висим не над городом, - над круглыми и продолговатыми лужами. Это знакомые озера: не раз я ездил на них из Челябинска – охотиться на уток. Какими же крохотными они кажутся отсюда!»

К сожалению, книга «В гостях у челябинцев» давно не переиздавалась.

Война.

Челябинск глазами челябинских детей

Юрий Михайлович Рязанов (1932-2011). Для нас его судьба и его книги – совсем недавно явились открытием. Его имени нет в энциклопедии «Челябинск», в справочниках челябинского отделения союза писателей. Не знали его библиотекари и литературоведы. Детство Рязанова прошло в Челябинске во время войны. И он много написал об этом времени и о городе. Все его книги для Челябинска большая ценность. Так связать время (война) и место – город Челябинск еще никому не удавалось. Почему не знали? Дело в том, что когда ему не было еще и восемнадцати, Рязанов был арестован, вынужден под пытками взять чужую вину на себя. Был приговорен к 15 годам лагерей. Тюрьма и лагерь не сломали его. Потом было досрочное освобождение, учеба в ШРМ, работа на Дальнем Востоке, учеба на факультете журналистики в Свердловске. Какое-то время он работал в Челябинске. Здесь за одну его правдивую статью в газете он был уволен. Уехал в Свердловск. Там тоже были гонения, но, начиная с 1955 года, он успел написать 14 книг, часть из которых о детстве в Челябинске. Все они издавались в Свердловске (Екатеринбурге). М.б. не все они доходили до Челябинска.

«Ястребок героя». Впервые рассказы были напечатаны в книге «Хлебная карточка» (Свердловск, 1986), куда вошли рассказы свердловчан В. Блинова и Ю.Рязанова о детстве во время войны. Книга выходила большим тиражом – 100 тысяч! Блинов писал о детстве ребят в Свердловске, Рязанов – о челябинских детях. Потом книга Рязанова была издана отдельно - «Ястребок героя» (Екатеринбург, 2005).

Книга автобиографична. Рассказы идут от «первого лица», только имена вымышлены. Челябинск очень узнаваем, автор часто упоминает названия улиц, площадей, речку Миасс.

Читатель узнает и адрес, где тогда жил герой книги – Свободы 22-а. Этого дома уже нет.

Из рассказа «Замазка»: « В Челябинске на этом месте висится громадой многоэтажное здание. А в те годы простиралась базарная площадь. Барахолка. Проходя мимо этого дома с высоким и просторным, как танцевальная площадка, крыльцом или поднимаясь на массивные розового гранита ступени, я иногда вспоминаю историю, приключившуюся здесь летом сорок третьего...» И дальше идет рассказ, как мама попросила мальчика (ему 11 лет) купить на базаре кусок мыла. Маму дети не видели неделями, она работала на

заводе без выходных. «Когда она отдыхает, не знаю. Наверное, никогда...». «Ежедневная выкупка хлебного пайка и отоваривание продуктовых карточек в магазине, к которому мы «прикреплены» по месту жительства, - моя забота. Вся ответственность на мне... В магазинных очередях надо стоять терпеливо, иногда по многу часов, потому что неожиданно устраиваются коварные пересчеты на ладонях ставятся химическим карандашом новые номера».

Мыло стоит дорого – 150 рублей. При маминой зарплате в 800 рублей. Описание рынка (тогда он назывался Элеваторным). Страшная сцена, когда чуть не забили насмерть голодного парнишку, укравшего пончик. Спекулянтка обманула мальчика. Вместо мыла дала кусок замазки. Но рассказ не только об этом обмане и о том, как герой книги пытался отомстить спекулянтке, а и о том, как тогда жилось взрослым и детям, каково было матери, как она боялась «казенных» писем (отец на фронте)... О маме Рязанов пишет в другом рассказе. Она до войны была ветеринарным врачом:... «После размещения привезенного с запада механического завода в громаднейшем здании недостроенного оперного театра поступила в цех и освоила профессию токаря. Точила гильзы крупнокалиберных снарядов. Вот какая у нас мама! Только о себе она ничего никому не рассказывала. Помалкивала...»

Рассказ, который дал имя сборнику, «Ястребок героя», тоже о многом говорит: о работе дворового тимуровского отряда, который не только помогал семьям фронтовиков, но и «печатал» на старом рулоне стеновых обоев листовки с надписью: «Смерть немецким оккупантам!» О том, как мальчишки были на похоронах Героя Советского Союза летчика Николая Луценко. Совсем близко от дома, где жили ребята, была школа, которая стала госпиталем.

«...Хоронят под музыку довольно часто. Из госпиталя – тоже. В это многоэтажное, красного кирпича, здание я пошел в первый класс. И вот присутствую на похоронах. Уж в который раз. Но Героя – впервые». «...На кладбище, в народе называемом Митрофановским, в дремучем сосновом бору слышатся только шелест вершин деревьев да хруст веток под ногами... Меня завораживает салют...». Госпиталь был тогда в школе №36, что рядом с площадью Павших. Теперь в этой школе институт переподготовки учителей.

Но в рассказе еще и о ленинградцах, эвакуированных в Челябинск, какими их привозили, как друг автора книги - ленинградец Вовка ловил рыбу, воробьев и голубей, варил из них суп и кормил опухшую от голода мать, тем самым спас ее.

О секретах того времени: Ребята пошли ловить раков на Миасс, к заводу «Жа четыре». «И мы посемили по улице вниз, туда, где вплотную к воде, окруженные заборами, стоят корпуса завода, о котором пацаны судачили, что он «секретный». Но что для нас, будущих разведчиков, эти «секреты»!... Мы точно знали, что на нем производят – оргстекло. Для танков. Пуленепробиваемое...».

Интересно читать о неудачном побеге мальчишек на фронт.

В сборнике «Ястребок героя» шесть рассказов. Все они рисуют яркую картину жизни того времени, увиденную глазами мальчишек в Челябинске. Труд в помощь взрослым, игры, книги, музыка, дружба между ребятами, их взросление, первая любовь, оценка взрослых людей – добрых и совсем не добрых. И город, который им давно родной или ставший родным во время войны.

Очень важна для челябинских детей и книга Юрия Рязанова **«Родник возле дома. Рассказы»**

Первый рассказ о детстве в Челябинске «Родник у дома» был напечатан в «Вечернем Челябинске» (№228 -230.- 1978). Книга вышла в Свердловске в 1991 году. Как и

«Ястребок героя» книга автобиографична. Все достоверно. Автор описывает свою жизнь и соседей по двору с 1936 года. Как встретили люди в Челябинске первый день войны, как отпраздновали двором День Победы, как пережили все тяжкие военные годы.

Несколько моментов из книги:

«Алое поле, сколько помню, всегда манило нас таинственностью и неизвестностью. На заваленном десятками мраморных могильных плит и памятников пустыре мы часами разглядывали их, разбирали надписи, обсуждали, придумывали, какими внешне могли быть те, в чью честь вытесали то или иное красивое надгробие, а они все были красивы и загадочны, каждое по – своему.

Об Алом поле ходили невероятные, кошмарные слухи, от которых мороз по коже драл, - это-то нас, верно, и привлекало на запущенное, как нам казалось, забытое всеми кладбище.

И еще притягивала громадностью и недоступностью многокупольная церковь из темно- красного плотного кирпича. Собственно, куполов на храме не сохранилось...». Старушка, пасшая козу у «ленинского мемориала», рассказала ребятам, что кладбища на Алом поле никогда не было, а памятники и надгробия были свезены к церкви с Михайловского кладбища, которое было на месте кинотеатра Пушкина: «...могилки-то порушили, а камушки сюды свезли». А храм Александра Невского строил «...купец наш, челябинский - Хрипатьяев. Во искупление своих грехов тяжких...»(Рассказ «Картина на доске»).

«Летом свободские ребята зачастили на улицу Коммуны, в медицинский институт, эвакуированный в Челябинск в начале войны из Харькова. Приклеившись носами к стеклам окон первого этажа, мы замороженно наблюдали за всем происходившим в анатомичке...» (Рассказ «Мумия»).

Тут автор ошибся. К нам эвакуировали Киевский мединститут. «Свободские» ребята - ребята с улицы Свободы. А вот из истории старого цирка, что был на площади Павших:

«Мы с братишкой долго бродили вокруг огромного квадрата заграждений из кое-где порыжевшей и пачкавшей руки колючей проволоки, и часовые перестали обращать на нас внимание – много разного люда топталось возле огороженного цирка, недавно превращенного в казарму... Теперь же здесь учились мастерству воевать с фашистами призывники, и в том числе мой отец... Мы при первой же возможности, проходными дворами помчались на площадь Павших, посредине которой грузно возвышалось, пожалуй, самое большое в городе деревянное здание со сферической крышей...» (Рассказ «Запретная зона»).

Очень важны для характеристики автора и героя книги строчки о его любви к книгам:

«Никто и ничто не дали мне так много благ, как детская библиотека, и ей я благодарен, просто благодарен на всю жизнь, ибо в ее тишине проросло поле души моей, засеянное Великим пахарем и сеятелем – Книгой.

Вот я открываю калитку и поднимаюсь на невысокое крыльцо обширного одноэтажного деревянного дома, некогда служившего прибежищем революционерам... Сажусь за стол, на ближайшее свободное место, и материальный мир, окружающий меня, исчезает. Меня нет ни в просторном холодноватом зале читалки, ни в Челябинске...» (Рассказ «Черныш»).

Речь идет о центральной детской библиотеке имени В. Маяковского, которая тогда находилась на улице Труда 108. В 1954 году библиотека стала областной детской и переехала в новое помещение на ул. Коммуны 133.

В рассказе «Салют» подробное описание первого Дня Победы. После празднования во дворе, когда все жители принесли на общий стол все, что только смогли, и были танцы под патефон. Ребята побежали в школу. «В школе царил столпотворение. Первой наш класс поздравила Нина Ивановна Брамова, географичка. Она плакала, не стыдясь нас, и комкала в сухоньком кулачке кружевной, еще, наверное, дореволюционный платочек... Неожиданно раздался резкий и продолжительный коридорный звонок, и мы высыпали, оглушительно галдя, из класса. Во двор, во двор, где состоится митинг. Там уже металась, распоряжаясь, какому классу куда встать, завуч... Гвалт ребячьих голосов стоял невообразимый, даже галки с высоченной каланчи упраздненной мечети встревожено снялись и кружили над кишашим школьным двором.

Завуч вынесла настенный портрет Сталина и установила его на столе, прислонив к водруженной на стол же табуретке. Шум пошел на убыль...».

Явно, что это была школа №10, которая рядом с мечетью. Директор произнес речь о роли Сталина в Победе. «Галки, усевшиеся было на минарет, куда много лет не ступала нога муллы, испуганно взмыли ввысь от мощного ора – глоток мы не жалели. И кричали «ура» долго, в свое удовольствие.

Занятия в этот день, естественно, отменили. И все же не митинг и не свобода от уроков должны были стать главным событием дня, этого особого дня. А что же тогда?

- Слыхали? Салют готовят, - поделился новостью Гарешка. – На складе разнюхал...

О салютах мы знали по сводкам Совинформбюро, кинохронике, слышали залпы «из ста двадцати четырех орудий» по радио, но никто из нас этого чуда своими глазами не видел...». «...мы рванули гурьбой по Свободе, расцвеченной флагами, свисавшими с домов и ворот. Перевести дух я остановился лишь на улице Кирова.

Ватага наша проследовала дальше, к площади Революции, а я задержался возле центрального универмага... и тут бухнул залп, я повернул голову направо и увидел в слегка вечереющем небе, невысоко, желто-красно-зеленый с белыми огнями осыпающийся букет с серыми дымовыми стеблями... а где-то в районе входа в горсад бухала пушка, и не букет, а волшебный фонтан многоцветных брызг возникал, захватывая полнеба...»

Центральный универмаг тогда был в здании, где сейчас «Молодежная мода». Есть описание, что творилось тогда на площади Революции, улицах Цвиллинга, Кирова.

До сих пор речь шла о детских книгах Юрия Рязанова, они адресованы среднему и старшему школьному возрасту. Но у него есть большая трилогия (из 4-х книг «**В хорошем концлагере**») («Ледолом», «В хорошем концлагере», «Одигитрия»). Первый том - «Ледолом» - его жизнь в Челябинске с 1936 по 1950 год. Подзаголовок: «Автобиографические рассказы о детстве, отрочестве и юности, написанные только для взрослых». Туда вошли и рассказы из его детских книг. И названы уже настоящие имена всех действующих лиц.

В библиотеках есть книги Юрия Рязанова. Автор статьи благодарен библиотекарю Ирине Александровне Бываловой за знакомство с творчеством Юрия Рязанова и вдовой писателя Лидией Дмитриевной Рязановой (Екатеринбург). Особая благодарность Лидии Дмитриевне за десятки книг Юрия Михайловича, безвозмездно переданные челябинским библиотекам.

Челябинск глазами эвакуированных детей.

Каким они увидели Челябинск, как их приняли челябинцы, как они жили.

Леонид Семенович Комаров (1933-2008). Инженер, изобретатель, конструктор, с 15 лет и больше 40 лет проработал на ЧТЗ, писатель. «Юность моя заводская», «Летопись

Челябинского тракторного» (в соавторстве)... Его детская книга «**За горами, за лесами**» (1977) рассказывает о его детских годах в Челябинске. Его герой носит имя Леша.

Эвакуация с мамой из Киева. Больше трех недель в дороге. «И вот мы в Челябинске. Этот город приютил, дал кров, хлеб и работу сотням тысяч людей из западных районов страны, а для многих стал второй родиной». И для будущего писателя Челябинск стал второй родиной. Он пишет, как их поселили в частном доме поселка Линейный (в районе ЧТЗ). Ему 8 лет. От отца нет весточки. Маленький дом, пожилая добрая хозяйка. В тесноте, да не в обиде. Помогал выжить эвакуированный художник из Ленинграда, работавший в литейке ЧТЗ и живший по соседству.

Первая военная зима. Холодно, голодно. «Хлеб и теперь давали по карточкам: маме, как служащей, 500 граммов, мне по детской – 300...». Как стояли в очереди за хлебом, за керосином. Случилось горе, у него украли хлебные карточки. Люди не оставили в беде. На Урал они приехали в летней одежде. В школе выдали шапку – ушанку и фуфайку. Потом была жизнь в бараке во Временном поселке. Соседи помогали переехать. Жили в одной комнате с большой доброй семьей Гайсановых, отгородив свой угол простынями Дядя Зия Гайсанов, добрейший человек, который на ЧТЗ испытывал танки, а в быту был для всех незаменимым помощником. Дяде Зии автор посвятил немало строк. Очень важны сцены, связанные с беспризорными детьми из Ленинграда. Описание школы на Высоковольтной улице, в которой тогда дети учились в три смены, по трое за партой. Холод зимой и в школе и дома.

Как добывали топливо. Чем занималась тимуровская команда. Автор помнил и описал тот день, когда в городе на площади у главпочтамта провожали на фронт добровольцев-танкистов.

Очень жаль, что книга тогда была издана в тонкой обложке, в библиотеки она не попала. Но может быть, она хранится в некоторых семьях. Кроме того, она печаталась в журнале «Тропинка» (1998). Отрывок из книги «Картошка в мундире» есть в «Краткой истории челябинской детской литературы» (2013).

Юнна Петровна Мориц (1937). Известный московский поэт и прозаик. В детстве была эвакуирована с семьей в Челябинск из Киева. В краткой биографии она пишет: «В 1941- 1945 годах мать, отец, старшая сестра и я жили в Челябинске, отец работал на военном заводе...». Семья в Челябинске первое время ютилась на чужой кухне, а потом всю войну жила в подвале частного дома у дальних родственников на улице Елькина (недалеко от сегодняшнего проспекта Ленина). Дом не сохранился. Обо многом она написала в стихах.: «Всю войну я жила под землей, / Где хранили до войны мороженое./ Мы согрели землю всей семьей, / Занимая место, нам положенное./ Мы любили этот погребок,/ Печку там построили кирпичную,/ Побелили стены, потолок,/ Постелили крышу не тряпичную.../ Просыпалась я ночной порой -/ Думала, что мы уже убитые...».

В таких условиях Юнна заболела туберкулезом. «...В столовой для истощенных детей мне давали обед...». «Сажали мы картошечку/ На третий год войны...»

О Челябинске она пишет в прозаическом сборнике «**Рассказы о чудесном**» (М. Время, 2008). Он не адресован детям, но вполне доступен старшеклассникам. Один из рассказов многозначно называется «Хлад, глад, свет».

Про работу отца в Челябинске писательница пишет: «...И вождь срочно послал папу на секретный завод, чтобы из трактора сделать танк. Но папа сделал еще и самолет, и бомбы, и мины. Теперь он получает паек. Как все.

Из пайка мы с мамой продаем на базаре спирт и покупаем для папы махорку по 90 рублей за стакан с верхом. И относим ему на завод. В проходной у нас берут передачу и записку, что все хорошо.

Завод очень замаскирован, и папа там ночует в замаскированной комнате. Однажды он ночевал дома и страшно кричал во сне, как переехавшая собака...»

Это из детских воспоминаний Юнны Мориц. А как было тогда на самом деле. И на каком челябинском заводе работал отец Юнны? Оказывается, в нашем областном архиве хранятся списки эвакуированных! Есть сведения о семье Петра Борисовича Морица. Он работал на заводе № 541. Во время войны это был патронный завод, который находился в здании пединститута. Должность отца – начальник транспортного отряда. Стоит привести строчки из письма Юнны Петровны: «Не только мой папа, но и моя сестра Тина Петровна Мориц работала на заводе, таскала корпуса для мин, когда училась в 9 классе и до самого окончания школы... У нее постоянно потом «по жизни» болела спина и мышцы живота – от таскания тяжелого железа на том заводе...Ей еще к пенсии какие-то копейки приплачивали за «работу в тылу» - по справкам, которые добывала она из Челябинска. А вот на каком заводе работал отец и на каком сестра, я не знаю, к своему глубокому стыду... Делали там боеприпасы, а мой отец отвечал там за транспорт и отправку вагонов с этими боеприпасами. Однажды вагон застрял где-то в Бийске или Орске, и моего отца под конвоем отправили его искать, - мать была черная от мысли, что вагон не найдется и отца расстреляют. Но я хорошо помню, как он вдруг вернулся – живой! - в рыжем дражном тулупе, от него воняло бензином, и он был весь мокрый от снежного бурана...».

В сентябре 1944 года Юнна поступает в первый класс школы №1 имени Энгельса. В старших классах уже учится ее сестра. Юнна Петровна пишет в том же рассказе «Хлад, глад, свет»: «Парта одна на троих... На окнах толстый лиловый лед. Сквозь замазку не дует, но стужа вгрызается в стены, как в яблоки, - и стены хрустят.

Всего холодней – в стене и в спине...Мама мыла Машу. Маша мыла Мишу. А где мама и Маша достали мыло?

На базаре – двести рублей кусок. Самое лучшее мыло – собачье с дегтем, от него дохнут тифозные вши...». «Я ем промокашку... Все жуют промокашку. Весь класс. Сорок три человека...». «Скоро звонок, и дадут булочку с сахаром. А кто вчера не был в школе, тому - две...»

«По субботам – концерты для раненых. Я пою и читаю Некрасова. Там пахнет йодом, кровью, гноем и потом. Сперва ужасно тошнит. А потом все привыкают. И выздоравливают».

Мама Юнны Мориц работала в госпитале, в художественных промыслах. О маминой работе можно прочитать в рассказах: «Яблоки» и «Цветы моей матери». Дочери помогали маме из застиранного госпитального белья делать искусственные цветы «...Их кроила. Красила и доводила до ослепительного изящества моя прозрачная от голода мать...». Как ни странно, тогда наша страна эти цветочки продавала за рубеж. И это в 1943 году!

В 1945 году семья Юнны Мориц вернулась в Киев. Но в Челябинске писательница не забыта. В музее школы №1 есть о ней материалы. Композитор Юрий Гальперин, когда жил в Челябинске, написал цикл песен на ее стихи. Большая дружба связывает Юнну Петровну и несколько поколений семьи Рубинских. Стихотворение «Тетрадка для сказок» Юнна Мориц посвятила тогда еще маленькому Косте. В этом стихотворении упоминается и речка Миасс и город Челябинск. Оно вошло в известный сборник Мориц «Большой секрет для маленькой компании»

Виссарион Иванович Сиснев (г.р. 1929-1930) московский детский писатель. Автор книг «Записки Виквикского клуба», «Мальчишка», «Родословная»...

В повести «**В некотором царстве**» (Москва, «Дет. лит.», 1970) Сиснев рассказывает о своем пребывании на Южном Урале.

Герой книги - 15-летний москвич в конце войны (1944 год) приехал с семьей в Челябинск. Его отца – актера пригласили работать режиссером в наш драмтеатр. Семью поселил в свою большую квартиру директор театра, который жил в одном из домов особого городка в центре Челябинска. Его у нас называют «городок МВД». Книга автобиографична, вымышлены только имена.

Первое впечатление москвича о Челябинске: «...И вот мы уже мчимся по заснеженным улицам на скрипучем голубом автобусе. На кузове с обеих сторон красовались надписи, удостоверяющие, что автобус принадлежит городскому драматическому театру.

Я сел на самое переднее сиденье, откуда можно было смотреть и направо и налево, но ничего особенного я так и не увидел – город как город. Не знаю, может, в глубине души я ожидал, что здесь среди бела дня бродят медведи, а жители не расстаются с двустволкой, так или иначе, я почувствовал некоторое разочарование: по ширине, по многоэтажным домам, по количеству автомобилей улицы, которыми мы ехали, вполне могли бы принадлежать Москве. От вокзала даже ходили троллейбусы. Вот тебе и медведи!»

Автобус подкатил к глухим зеленым воротам, соединявшим два пятиэтажных дома, выкрашенных в желтый цвет и протянувшихся на целый квартал. Шофер погудел в ворота, и они открылись. Мы въехали во двор, и я увидел, что он отгорожен от улицы желтыми домами со всех четырех сторон. Вроде бы мы оказались внутри большой крепости. Только вместо солдат по двору сновали мальчишки и девчонки с санками и лопатками...

-Ну, вот вам наш городок, - сказал Мартын Иванович. – Нравится?

-Недурно устроился, - ответил папа. – Совсем недурно.

- Это тебе, голубчик, не столица, где театров больше, чем воробьев. Тут о нашем брате пекутся денно и нощно.

По широким каменным ступенькам с помощью так и не проронившего ни одного слова шофера мы втащили чемоданы и мой велосипед на третий этаж, в просторную прихожую, застеленную крест-накрест коврами дорожками. Дождавшись, когда мы водрузили на вешалку, сделанную из оленьих рогов, свои пальто Мартын Иванович распахнул дверь в комнату:

- Ну-с, прошу!

И повел нас по квартире, рассказывая, что до него здесь жил начальник угрозыска. Какие-то нахальные жулики вскрыли однажды наружную дверь подъезда – она выходит и во двор и на улицу, - погрузили на машину все до последней нитки и скрылись, оставив записку: «Если ты хороший начальник, найди, кто тебя обчистил». Опозорившегося начальника услали куда- то в район.

Мы смеялись и во все глаза рассматривали жилище Мартына Ивановича. По крайней мере, я рассматривал именно так, потому что в сравнении с нашей московской квартирой это был просто королевский дворец. Каждая комната здесь была покрашена в свой цвет, но на один манер... понравилась мне и квартира, состоявшая из столовой, спальни и кабинета. Везде стояла удобная красивая мебель, а в кабинете я понял, что наша домашняя - ничто против богатств Мартына Ивановича, выстроившихся на застекленных стеллажах».

«Моя новая школа оказалась в пяти минутах ходьбы от моего нового дома. Напротив города-крепости был большой сквер с красивым названием «Алое поле». Чтобы попасть в школу, мне нужно было всего-навсего пересечь этот сквер наискосок...».

Герой книги узнал, что в дальнем углу их двора достраивают еще один корпус в виде буквы «Г». С удивлением понял, что строят его пленные немцы под охраной часового. Тогда в нашем городе много строилось пленными. В основном книга написана о взаимоотношениях ребят в школе № 30, о дружбе, о становлении характера героя, но и Челябинску отведено место.

Анатолий Игнатьевич Приставкин (1931-2008). Замечательный российский писатель, общественный деятель (Председатель Комиссии по помилованию при Президенте РФ, Советник Президента РФ...). Автор более 25 книг, самая известная из них – «Ночевала тучка золотая». Президент Российского книжного союза и близкий друг Приставкина – Сергей Степашин пишет о нем: «Как рассказывал сам писатель, к писательскому ремеслу его подтолкнула история, случившаяся во время войны в эвакуации. Тогда в Челябинске группе голодных и изможденных долгими переездами детдомовских детей только с помощью воспитателя удалось проложить коридор через возбужденную толпу осаждающих местную столовую взрослых беженцев. И это проявление человеческой солидарности глубоко запало в душу будущему писателю. Об этом и был его первый рассказ – **«Человеческий коридор»**, задавший гуманистический настрой всему дальнейшему творчеству писателя».

Этот небольшой рассказ стоит того, чтобы его привести полностью:

«Это было в сорок первом году. Темная и суровая Москва, спасая нас, детей, от войны, погрузила в поезда и отправила в Сибирь. Мы ехали медленно, задыхаясь от недостатка кислорода и страдая от голода. В Челябинске нас высадили и повели на вокзал. Была ночь.

-Здесь есть пища, - сказал Николай Петрович, сутулый, желтый от болезни человек.

Вокзал хлестанул по глазам ярким светом. Но скоро мы увидели и другое. Многотысячная толпа беженцев осаждала единственный ресторан. Там шевелилось что-то черное, и ухало, и кричало. Ближе к нам, прямо на рельсах, стояли, сидели, лежали люди. Здесь начиналась очередь.

Мы стояли и смотрели на окна. Там было тепло, там раздавали людям горячую, дымящуюся жизнь, наполняя ею тарелки. Потом встал наш Николай Петрович на ящик и что-то закричал. И нам было видно, как он нервно вздергивает острые плечи. И голос у него слабый, голос чахоточного человека. Кто из этих голодающих, сутками простаивающих беженцев сможет его услышать?

А люди вдруг зашевелились. Они подались назад, и маленькая трещинка расколола черную толпу. А потом мы увидели еще: какие-то люди взялись за руки и образовали коридор. Человеческий коридор...

Я потом побродил немало, но всегда мне казалось, что я не перестаю шагать этим человеческим коридором. А тогда – мы шли через него, качающийся, живой, трудный. И мы не видели лиц, просто стена больших и верных людей. И яркий свет вдали. Свет, где нам было очень тепло, где и нам отвалили по целой порции жизни, горячей жизни, наполнив ею до краев дымящиеся тарелки».

Хочется добавить к этому рассказу.

Почему Приставкин пишет, что «вокзал хлестанул по глазам ярким светом»? Потому что до Урала на станциях не было никаких огней, чтобы враг их не видел ночами, не бомбил. Ребята привыкли к темноте, а тут вдруг такой свет.

Во время войны на всех уцелевших от бомбежек станциях (путь эвакуированных и беженцев на восток) было организовано для них питание и медицинская помощь. Иначе многие просто бы не доехали, умерли бы в дороге от голодной смерти. Так что это была не просто местная столовая, как говорит Сергей Степашин, а бывший ресторан старого

челябинского вокзала, где был организован эвакуационный пункт. Спасибо Приставкину, он своим рассказом помогает представить, какую роль сыграл наш вокзал во время войны!

Челябинск семидесятых годов прошлого века

Наталья Петровна Кончаловская (1903–1988). Московская писательница, поэт. Человек-легенда. Внучка художника Василия Сурикова, дочь академика живописи Петра Кончаловского, жена Сергея Михалкова, мать Никиты Михалкова и Андрея Кончаловского - режиссеров. Автор «Наша древняя столица», «Дар бесценный» (О Василии Сурикове).

В 1973 году по приглашению областной детской библиотеки и совету Людмилы Татьяничевой она приезжала в Челябинск на областной праздник в Неделю детской книги. Останавливалась в гостинице «Южный Урал» (номер 211). Наталья Петровна многое успела в Челябинске, съездила в Миасс, на Тургояк. Потом еще раз приезжала, чтобы побывать в Магнитогорске. По следам этих поездок она написала книгу **«Магнитное притяжение»** (Москва, «Детская литература», 1976). Первые главы книги посвящены Челябинску и челябинцам. У нее был добрый взгляд на город и его жителей. Встречалась писательница не только с детьми на празднике, но и с сельскими корреспондентами в обкоме комсомола, со студентами института культуры, учителями.

Ее все интересовало: улицы, где еще сохранились старые купеческие дома, заводы, памятники, люди. «Выходим на проспект Ленина. Массивные каменные дома с гранитными цоколями вытянулись по проспекту. Все это строительство двадцатипятилетней давности, все красиво, солидно, все из ценных уральских материалов. А вдали, в перспективах центральных городских проспектов, уже маячат новые кварталы микрорайонов, с высоченными крупнопанельными жилыми домами... похожими друг на друга и на своих братьев, встающих ныне над всеми столицами мира... Скучно, уныло, зато дешево, удобно».

Наталья Петровна встречалась с учениками школы №1 имени Энгельса. Не могла пройти мимо памятника погибшим ученикам школы. Ее очень впечатлили «плиты со вдавленными в нее следами солдатских сапог, словно какой-то часовой только что сошел с поста. Хочется плакать, когда видишь эти отпечатки подошвенных гвоздей, отпечатки мужества и сознания долга перед Родиной...».

Ей очень понравился наш памятник «Орленку». «Алое поле» - так называется детский парк в Челябинске, и стережет его памятник «Орленок». Если бы скульптор Лев Головницкий, автор этого произведения, больше никогда ничего не создал, то все равно имя его осталось бы прославленным, настолько прочное место заняла эта скульптура в истории советского искусства...

«Орленок» поставлен на хорошо угаданную высоту, но не над толпой, и не приходится заирать голову, чтобы разглядеть черты лица этого юноши-партизана в шинели не по росту, ботинках не по ноге, папахе, в которую проваливается отчаянная, непокорная голова героя-красногвардейца...». О памятнике Кончаловская написала много и восторженно.

Побывала Кончаловская на ЧМЗ. Ее поразили слова тогдашнего секретаря комсомольской организации завода Станислава Федорова, который показывал ей ЧМЗ: «Говорят, что на территории нашего завода может поместиться вся республика Сан-Марино!...». «И мне запомнилось это неожиданное заявление на всю жизнь». Нам интересно, какое впечатление произвел на нее завод, где она прошла несколько цехов. «И вот впервые я попадаю в этот ошеломляющий мир». Надо читать несколько страниц, где Наталья Петровна описывает процесс рождения металла, работу прокатного стана, знакомство с известным мастером Иваном Александровичем Полегаевым.

Очень важен ее рассказ о челябинском докторе Георгии Синякове, о подвиге которого давно надо было написать книгу. В немецком плену, в концлагере он спасал наших солдат. Кончаловская написала и об операционной хирургического отделения ЧТЗ, где работал Синяков.

«Уральскаяпельменная», пельмени с капустой, пельмени с лосятиной и кувшинчик с хлебным квасом. «Все вокруг соблюдено в местном южно-уральском духе: цветные витражи на окнах, каглинского литья медальоны на стенах, мебель, конечно ультрасовременная, гнутая металлическая, с пластмассовыми цветными сиденьями... Пельмени в больших пиалах, положенные горками, были превосходны. Эдаких, кроме как на Урале, нигде и не отведаешь!»

Значимые слова Кончаловской о «...нашем огромном индустриальном городе Челябинске, бывшем во времена империи захолустной «челябой», что по-башкирски означает «яма».

Если Наталья Кончаловская была добра к Челябинску и его людям, то приезжавшая к нам Мариэтта Чудакова жестоко написала о нашем городе.

Челябинск нашего времени.

Мариэтта Омаровна Чудакова (г.р.1937). Москвичка, историк литературы. Побывала в Челябинске в начале 2000 годов. Написала для детей книгу «**Дела и ужасы Жени Осинкиной**» (М. Время, 2005). Книга несколько раз переиздавалась. В трех книгах. В первой есть глава «Челябинск». Проездом через наш город героиня книги - москвичка побывала в одном из челябинских дворов на улице Ферросплавной - «пыльная и скучная улица». «Этот двор был просто приготовлен для того, чтобы стать уютным, прямо-таки райским уголком и для детей, и для взрослых. Но каким же он был!...» Покосившийся столик на одной ножке, сломанные скамейки, «земля была вытоптана и загажена на два-три метра вокруг сигаретными пачками и бутылками...

Впрочем, и весь двор был вытоптан так, что ничего, кроме пыли, на нем, казалось, появиться уже не может...».

Сломанные качели, детская горка, «но все кособокое, облупленное, такое, что и не тянет подойти, а главное – ни травинки, ни цветочка, не то, что клумбы...». Автор пыталась поговорить с девочкой во дворе и узнала, что у той «мама повешалась», поговорила с пацаном «никогда не мытым». И поговорив и со взрослым жителем двора, поняла, что все равнодушны к своему двору, никто не захочет приложить руки, чтобы жить достойнее. Итог: «Кто бы во всем мире,... стал бы жить в таком грязном дворике... Никто бы не смог – силы воли бы не хватило».

Очень жаль, что Челябинск «повернулся» к писательнице такой стороной.

Не все оценивают книгу однозначно. Многие высказывания М. Чудаковой спорны.

Очень хочется верить, что появится достойная книга для детей о нашем городе, его людях нашего времени. Челябинск и челябинцы давно это заслужили.

Н.А. Капитонова

«Гороховские чтения» 2016 г.